

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

Карл Барц

СВАСТИКА В НЕБЕ

**БОРЬБА И ПОРАЖЕНИЕ
ГЕРМАНСКИХ ВОЕННО-ВОЗДУШНЫХ СИЛ**

1939–1945

Карл Барц

Свастика в небе. Борьба и поражение германских военно-воздушных сил. 1939-1945

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=608515

*Свастика в небе. Борьба и поражение германских военно-воздушных сил. 1939–1945 гг. : ЗАО Центрполиграф; М.; 2009
ISBN 978-5-9524-4165-1*

Аннотация

Карл Барц рассматривает историю люфтваффе с их основания до полного поражения, подробно описывая все значительные операции с участием германских авиационных подразделений. Люфтваффе нанесли огромный урон противнику. В Германии была разработана автоматизированная система наведения ночных истребителей, превосходящий по техническим параметрам все зарубежные аналоги истребитель Me-262, а в декабре 1944 года состоялся первый запуск «Кобр» – пилотируемых ракет, предназначенных для использования против соединений бомбардировщиков врага. Однако никакие научные достижения уже не могли спасти Германию, погубленную противоречивыми действиями диктатора.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	50
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Свастика в небе. Борьба и поражение германских военно-воздушных сил. 1939–1945 гг

Карл Барц

Глава 1

ПЛОХОЕ НАЧАЛО

Десять часов утра 10 января 1940 года. Майор Хёнманс и майор Рейнбергер из люфтваффе пересекают бетонированную площадку перед ангаром на аэродроме Лодденхайде, неподалеку от Мюнстера в Вестфалии.

– Что вы думаете о погоде, Хёнманс? – спрашивает Рейнбергер, с тревогой глядя в небо.

– Над Руром¹ местами возможен туман, – отвечает его спутник, – но нет повода для беспокойства. Я знаю этот район вдоль и поперек, так что не волнуйтесь.

Мужчины поднялись в ожидавший самолет «Мессер-

---

¹ Рур – крупный промышленный район в бассейне реки Рур, притока Рейна.
(Здесь и далее примеч. пер.)

шмитт-108».² Майор Хёнманс занял место пилота, и вскоре машина поднялась в воздух.

Хёнманс был комендантом авиабазы Лодденхайде, и его работа прежде всего была связана с организацией и управлением наземными службами, но, как летчик-ветеран Первой мировой войны, он старался подниматься в воздух при всякой возможности. Накануне вечером он и майор Рейнбергер провели час или два за приятной беседой в офицерской столовой. Рейнбергер, который направлялся в Кёльн с важным заданием, с горечью пожаловался на плохое железнодорожное сообщение.

– Зачем беспокоиться о поезде? – спросил Хёнманс. – Если хотите, завтра утром я могу вылететь туда, а днем мы вернемся обратно. В любом случае я должен побывать там.

Предложение понравилось Рейнбергеру. Правда, всем перевозившим секретные документы – как он – не полагалось летать на самолетах, но в этом случае, казалось, было не много риска, да никто ни о чем не узнает, так что он согласился. Рейнбергер отвечал за парашютно-десантную школу в Штендале и был прикомандирован к 7-й авиадивизии генерала Штудента.³ В настоящее время он участвовал в раз-

---

² Me-108 «Тайфун» – одномоторный четырехместный самолет, использовавшийся в люфтваффе в качестве связного и курьерского.

³ Курт Штудент с 1 сентября 1938 г. по 30 сентября 1940 г. командовал 7-й авиадивизией люфтваффе, в которую были сведены все имевшиеся на тот момент немецкие парашютно-десантные подразделения. Одновременно с 1 февраля 1939 г. по 31 мая 1941 г. он занимал пост инспектора парашютно-десантных

работке плана парашютного десанта в Бельгии и Голландии, который должен был открыть предстоящее наступление на Западе.

И вот сейчас он сидел в «Мессершмитте» рядом со своим старым другом Хёнмансом, держа на коленях внушительных размеров портфель из желтой свиной кожи. Небо вокруг них все еще было ясным, но впереди высилась стена тумана. Рейнбергер бросил беспокойный взгляд на Хёнманса, но тот выглядел безмятежным, продолжая лететь прямо в туман. Несколько секунд спустя они уже летели вслепую, словно в турецкой бане.

Через некоторое время настала уже очередь Хёнманса волноваться. Он не сказал ничего своему другу, но понимал, что был слишком самонадеянным – он больше не знал, где находится. Он держал курс на юго-юго-запад. На первый взгляд это должно было быть правильным, но беспокойство нарастало. Кроме того, он не привык летать на этих современных машинах. Прежде он никогда не летал на самолете этого типа и чувствовал себя неуверенно. Он посмотрел на часы на приборной доске. Рейн уже должен был находиться в поле зрения, – если бы он мог хоть что-нибудь разглядеть в этом проклятом тумане. «Я должен снизиться», – подумал он и направил нос «Мессершмитта» вниз. По мере того как

частей. Майор Гельмут Рейнбергер был прикомандирован к оперативному отделу штаба 7-й авиадивизии и одновременно выполнял функции офицера связи со штабом 2-го воздушного флота люфтваффе.

они опускались, туман редел, и наконец он увидел землю, покрытую снегом. Но никаких признаков Рейна!

Хёнманс попытался скрыть беспокойство от своего спутника, который безмятежно сидел со своим драгоценным портфелем на коленях и, очевидно, полностью полагался на своего товарища. Хёнманс изменил курс и вскоре увидел впереди черную полосу, пересекавшую белый пейзаж. Река. «Рейн, – подумал он с ликованием и снизился приблизительно до 180 метров. – Странно, – удивился он, приглядевшись, – он недостаточно широкий».

Нет, это не Рейн. Но что же, черт возьми, это такое? Хёнманс теперь был близок к панике и в отчаянии смотрел по сторонам. Он летел по большому кругу, безнадежно пытаясь обнаружить хоть какой-нибудь знакомый ориентир. От волнения он, должно быть, перекрыл подачу бензина, потому что двигатель закашлялся и зафыркал, а затем окончательно встал. «Мессершмитт» стал быстро снижаться. Подгоняемая ветром машина мчалась к замерзшему полю, практически потеряв управление. Хёнманс попытался совершить безопасную посадку, но «Мессершмитт» пронесся между двумя деревьями, которые аккуратно срезали его крылья, и фюзеляж закончил свой путь в живой изгороди.

К счастью, ни Хёнманс, ни его спутник не пострадали. Они выбрались из кабины и посмотрели друг на друга. Оба были бледные и перепуганные. Рейнбергер все еще сжимал свой желтый портфель из свиной кожи.

– Если выяснится, что я летел на самолете, меня предадут военному суду, – произнес он дрожащим голосом. – Строго запрещено летать с совершенно секретными документами. Где же мы все-таки?

– Я не знаю, – ответил Хёнманс мрачно. – Но должны быть где-то на немецкой территории.

– На немецкой территории! – в изумлении повторил Рейнбергер. – Я надеюсь на это.

В этот момент появился неуклюжий, жилистый старый крестьянин с обветренным и сильно морщинистым лицом.

– Где мы? – спросили оба офицера одновременно.

Мужчина поднес руку к уху:

– Hein?⁴

– Где мы, старик? – раздраженно повторил Рейнбергер.

Крестьянин что-то сказал, но ни один из немецких офицеров ничего не понял, однако оба с замиранием сердца осознали, что мужчина говорил по-французски.

– Боже мой! – воскликнул Рейнбергер. – Мы разбились в Голландии или Бельгии.

Одно было ему совершенно ясно – содержимое портфеля следует немедленно уничтожить. Он ощупал карманы и выругался. У него не было с собой спичек.

– Спички, Хёнманс, быстрее!

Майор Хёнманс безнадежно пожал плечами:

– Жаль, старик. Я не курю.

---

⁴ Что? (фр.)

К счастью, у крестьянина нашелся коробок бельгийских спичек с желтыми головками и красными палочками. Рейнбергер почти вырвал его из рук и скрылся с ними позади живой изгороди.

Бельгийские солдаты на контрольном посту в Мехелен-сюр-Мёз⁵ празднично глазели в окно караульного помещения. Они скучали. В течение нескольких месяцев они несли службу на левом берегу Мёза, и за это время ничего существенного не происходило. На другой стороне реки лежал голландский Лимбург.⁶ Также монотонно текла служба и у их голландских коллег – один день ничем не отличался от другого. Было 11.30 утра.

Но что это? Они услышали самолет, но очень скоро свистящий звук в воздухе оборвался, и почти сразу же послышался треск падения. Через мгновение солдаты выскочили из караульного помещения и побежали в направлении звука. Не сразу, но они натолкнулись на обломки самолета. Рядом стоял офицер в длинной шинели. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять: это немец, и, когда они вскинули винтовки, он поднял руки. Солдаты подошли ближе, и один из них заметил кольца дыма, поднимавшиеся в мороз-

---

⁵ Мехелен-сюр-Мёз – французское название бельгийского городка Мехелен-ан-де-Маас, расположенного на берегу реки Маас (Мёз), в 24 км северо-восточнее Хасселта, Бельгия, и всего в 2,5 км от границы Германии.

⁶ Лимбург – юго-восточная провинция Нидерландов.

ном воздухе из-за живой изгороди около места крушения. Они обежали вокруг изгороди и обнаружили второго немецкого офицера, который жег бумаги. Едва увидев их, тот бросился бежать, но сразу же остановился, когда они выстрелили в воздух.

Двое солдат хладнокровно сбили огонь и сложили уцелевшие обугленные бумаги в открытый портфель, лежавший на земле. Затем они обыскали двух немецких офицеров и забрали их пистолеты.

Спустя минуту или две на мотоцикле приехал командир роты. Капитан Родрик доставил немцев в караульное помещение и приступил к допросу:

– Ваши имена, господа?

– Майор Гельмут Рейнбергер.

– Майор Эрих Хёнманс.

– Что вы делаете на территории Бельгии?

– В тумане мы сбились с курса, двигатель нашего самолета встал, и мы вынуждены были совершить аварийную посадку. Это все, – ответил Хёнманс.

– За исключением того, что было бы намного лучше, если бы мы погибли, – добавил Рейнбергер.

– О, все не так плохо, – сказал бельгийский капитан и, заметив кровь на брюках Рейнбергера, добавил: – Но вы, кажется, ранены.

– Ничего, – произнес Рейнбергер. – Пожалуйста, покажите на карте, где мы находимся, и позвольте мне позвонить

родным.

– Боюсь, что не смогу сделать этого. Вопрос слишком важный, чтобы я мог самостоятельно принять решение. Он должен быть улажен через дипломатические каналы,⁷ но я уверен, что нет причин чрезмерно беспокоиться об этом.

Затем из Эйсдена прибыл начальник местной жандармерии, который стал составлять официальный протокол об инциденте. Он просмотрел обугленные бумаги из портфеля, и хотя плохо понимал по-немецки, его познаний оказалось достаточно, чтобы заставить его присвистнуть и приподнять брови от того, что он увидел. Завершив предварительное изучение, жандарм покинул комнату, оставив капитана Родрика упаковывать бортовой журнал разбившегося «Мессершмитта» и перевязывать бумаги перед тем, как поместить их обратно в портфель.

– Я могу пойти в туалет? – спросил майор Хёнманс.

Капитан кивнул и велел одному из подчиненных показать

---

⁷ После того как 3 сентября 1939 г. Великобритания и Франция объявили войну нацистской Германии, напавшей 1 сентября на Польшу, Бельгия официально заявила о своем нейтралитете по отношению ко всем странам – участницам начавшейся войны. Несмотря на это, английские, немецкие и французские боевые самолеты периодически нарушали воздушное пространство Бельгии. При этом наиболее «отличились» англичане, которые сбили два из вылетевших им наперехват бельгийских истребителей. С 9 сентября 1939 г. до 10 мая 1940 г. на территории Бельгии совершили вынужденные посадки 8 английских самолетов: 4 бомбардировщика и 4 истребителя, 3 немецких бомбардировщика и 1 французский истребитель. Большинство летчиков, в соответствии с международным правом, были интернированы и содержались в крепости Бооршейк, в Антверпене.

немцу дорогу. Он отошел от стола, чтобы позволить Хёнмансу пройти. В этот момент майор Рейнбергер, который, съезжившись, тихо сидел на стуле, вскочил, схватил бумаги и швырнул их в печь, которая обогревала караульное помещение. Но бельгийский капитан среагировал мгновенно – толкнув немца в сторону, он запустил руку в печь, вытащил связку бумаг и, бросив ее на пол, сбил пламя.

Все это произошло в течение секунды. Бельгийский капитан обжег руку и теперь яростно набросился на немца, который не сделал ни малейшей попытки защититься. Он лишь опустил обратно на стул и закрыл лицо руками. Бельгиец, которому обожженная рука причиняла немалую боль, гневно осыпал его бранью. Рейнбергер поднял голову, по его щекам текли слезы.

– Верните мне пистолет, – сказал он. – Позвольте покончить с этим. В любом случае со мной все кончено.

Хёнманс, который все еще оставался в комнате, попросил: – Оставьте его в покое. У него неприятности, и вы сделали бы то же самое на его месте.

Немного успокоившись, Рейнбергер извинился, но затем попробовал выхватить пистолет из кобуры бельгийца. Тот сердито отбросил его назад на стул.

– Сидите смирно, – сказал он резко. – И не думайте, что вы хитрее всех, вокруг тоже не дураки.

– Мне жаль, – пробормотал Рейнбергер. – Я лишь пытался исполнить свой долг, как вы исполняете свой. Я потерял все.

Мне не будет никакого прощения. Я хотел использовать ваш пистолет для себя, а не против вас.

И он снова обхватил голову руками.

Тем временем гудели телеграфные провода. Около полудня о произошедшем узнала бельгийская разведка. В четыре часа прибыл бельгийский майор. Он тщательно просмотрел обугленные бумаги и сразу понял, что это план внезапной атаки на Голландию и Бельгию. Но что, если все это преднамеренно организованный трюк, чтобы передать бельгийцам дезинформацию? С ходу невозможно было ответить. Майор связался с Генеральным штабом Бельгии, и в семь часов появились несколько офицеров, чтобы доставить двух немцев и захваченные документы в Брюссель. Майор Рейнбергер молчал в течение всей поездки. Он был погружен в тягостные мысли.

Бельгийские власти перевели документы быстро. Часть оригинальных документов была уничтожена. В частности, имелись ссылки на отдельные карты, которые отсутствовали. В наличии имелись фрагменты трех документов, всего около десяти машинописных страниц. Одним из них, как оказалось, была инструкция для 2-го воздушного флота, и в ней содержалась детальная и точная информация относительно расположения бельгийских сил на линии Антверпен—Льеж. Затем следовала информация о том, что наступление начнется между Северным морем и Мозелем, через Голландию, Бельгию и Люксембург. Перечислялись задачи VIII авиакор-

пуca под командованием Рихтхофена:⁸ в первый день наступления его «Штуки»⁹ должны были прикрыть районы высадки парашютно-десантных частей 7-й авиадивизии. Действуя совместно с 6-й полевой армией, главные силы «Штук» должны были атаковать голландские и бельгийские наземные части в районе Мааса. Бельгийские силы на правом берегу Мааса должны были быть уничтожены.

Второй документ имел отношение к задачам парашютно-десантных частей 7-й авиадивизии. Всего в нем были упомянуты пять районов высадки, имелись римские цифры, которыми, очевидно, обозначались позиции, отмеченные на отсутствующих и, вероятно, уничтоженных картах. Третий документ был подписан генералом Штудентом, командующим парашютно-десантными частями. В нем говорилось о вероятных силах противника и о том, что он, скорее всего, уничтожит ряд мостов и т. п., чтобы остановить немецких оккупантов.

В целом власти Бельгии были склонны думать, что эти документы подлинные, а не дезинформация, преднамеренно им подброшенная. В это время в Брюсселе оказался бельгийский военный атташе в Берлине, полковник Гётхальс, и документы были показаны ему. Тщательное изучение убедило его в том, что они подлинные и то, что они попали в ру-

---

⁸ Вольфрам фон Рихтхофен командовал VIII авиакорпусом люфтваффе с 3 октября 1939 г. по 30 июня 1942 г.

⁹ «Штука» – пикирующий бомбардировщик Ju-87.

ки к бельгийцам, было фантастическим стечением обстоятельств.

Документы вызвали в Брюсселе потрясение. Лишь незадолго до этого Гитлер торжественно объявил, что не имеет намерений нарушать нейтралитет Голландии и Бельгии, но теперь были доказательства, что он преднамеренно лгал.

Кстати, эти планы подтверждали предположения бельгийского Генерального штаба о готовящемся наступлении по двум направлениям, от Маасейка к Брюсселю и от Сен-Вига к Шиме.¹⁰ Также через бельгийское генеральное консульство в Кёльне было получено предупреждение о том, что будет еще один удар через Арденны к Кале, но первоначально его не приняли в расчет.

11 января о сенсационной находке были проинформированы король Бельгии и его министр обороны. В тот же самый день военно-воздушный атташе Германии в Гааге, генерал Веннингер,¹¹ прибыл в Брюссель и официально потребовал, чтобы ему немедленно позволили увидеть двух задержанных немецких офицеров. Бельгийцы согласились организовать встречу на следующий день, чтобы тем временем установить микрофоны в комнате, где это свидание должно было состояться.

На следующее утро, в десять часов, генерал Веннингер по-

---

¹⁰ Ш и м е – городок около французской границы в 12 км западнее Кувера.

¹¹ Рудольф Веннингер с 1 апреля 1936 г. занимал посты военно-воздушного атташе одновременно при посольствах Германии в Бельгии и Голландии.

лучил возможность увидеть двоих арестованных в казарме местной жандармерии.

– Вы смогли уничтожить документы? – был его первый вопрос.

Оба офицера уверили его, что все документы, за исключением нескольких фрагментов, уничтожены. Немедленно после этой встречи Веннингер отправил в Берлин телеграмму: «Рейнбергер заявил, что сжег почту. Остатки малозначимые».

Теперь бельгийцы были твердо убеждены, что немецкое наступление должно начаться в ближайшее время, и стали предпринимать упреждающие меры: была усилена оборона Мааса; в Арденнах сооружались заграждения; усилены части, охранявшие аэродромы.

Тем временем король Бельгии решил, что необходимо проинформировать о содержании захваченных документов британский, французский и голландский Генеральные штабы. Полковник Хотекур, французский военный атташе, был вызван во дворец, где его принял генерал ван Оверстраэтен, который сообщил, что бельгийское правительство обладает некоторыми детальными документами величайшей важности.

– Эти документы были частично уничтожены, но того, что осталось, вполне достаточно, вы сами сможете в этом убедиться. – С этим он вручил ему машинописный конспект документов, не сказав при этом, как бельгийское правитель-

ство получило их. — Я передаю вам эту информацию по поручению его величества, чтобы вы передали ее своему главнокомандующему — и только ему. Учитывая тот факт, что немцы, очевидно, намереваются нарушить наши границы, эта информация должна быть в распоряжении тех вооруженных сил, чьи правительства гарантировали неприкосновенность наших границ.

Французский полковник немедленно отправил эту информацию вместе с рапортом о вопросах, обсуждаемых на этой встрече, в штаб французской армии в Винсенне. Генерал Гамелен,¹² французский главнокомандующий, сразу же созвал военный совет, который состоялся утром 12 января. К этому моменту в Винсенне уже было известно, что документы захвачены у немецкого офицера, который совершил аварийную посадку на территории Бельгии. Информация, содержащаяся в документах, также стала сенсацией и для французов.

В ходе состоявшегося обсуждения полковник Риве, шеф французской военной разведки, указал, что никаких передвижений, говорящих о том, что немцы готовятся к наступлению в ближайшем будущем, пока еще не отмечено, но сразу добавил, что, учитывая характер Гитлера, весьма возможно, что немцы начнут внезапную атаку без больших предшествующих приготовлений. Действительно, было малове-

---

¹² Генерал Гамелен занимал пост начальника штаба национальной обороны и главнокомандующего вооруженными силами Франции до 19 мая 1940 г.

роятно, что немцы позволят пройти много времени между решением начать наступление и его фактическим началом, прежде всего для того, чтобы застать свои жертвы врасплох.

Гамелен и его генералы захотели увидеть оригиналы документов или их фотокопии, чтобы составить собственное мнение относительно их подлинности, потому что, в конце концов, эти документы могли быть не более чем детальным исследованием отдельных возможностей... Любой Генеральный штаб проводил подобные исследования. И едва ли можно было оценить их действительную ценность без дальнейших хлопот.

Но Гамелен не использовал представившийся шанс, и 1-й армейской группе было приказано оставаться в состоянии полной боевой готовности до дальнейших распоряжений, так же как и некоторым другим соединениям. Французские военно-воздушные силы тоже получили предупреждение. Но большего в тот момент сделано не было, поскольку Гамелен все-таки не смог полностью избавиться от подозрения, что немцы могли подбросить ему эту информацию преднамеренно.

Когда о случившемся стало известно Гитлеру, он пришел в ярость и обоснованно устроил Герингу разнос: планы наступления на Западе попали в руки к врагу из-за небрежности офицера люфтваффе! Это была вопиющая вещь!

Генерала Веннингера вызвали к Гитлеру, но он не смог

ничего добавить к тому, что уже сообщил: Рейнбергер уверил его в том, что документы уничтожены и остались только незначительные фрагменты.

Гитлеру сообщили, что два офицера допоздна пили в офицерской столовой на аэродроме Лодденхайде, и, чтобы наверстать потерянное время, Хёнманс отправился с Рейнбергером в Кёльн по воздуху. Это было близко к истине, но Гитлер был подозрительным. Он не доверял своему собственному Генеральному штабу и потому считал вполне возможным, что имела место намеренная передача информации.

Двум несчастным майорам люфтваффе, которые действительно были очень неудачливы, в конечном счете повезло. Когда 10 мая немецкое наступление началось, их отправили в Англию, а оттуда они были отосланы в Канаду как военнопленные. Если бы они попали в руки Гитлера, то, по всей вероятности, заплатили бы жизнью за свою неосмотрительность. Гитлеру же пришлось удовлетвориться снятием с должностей генерала Фельми,¹³ командующего 2-м воздушным флотом, и оберста Каммхубера, очень способного начальника штаба Фельми.

---

¹³ Гельмут Фельми командовал 2-м воздушным флотом с момента его создания 1 февраля 1939 г. Йозеф Каммхубер занимал пост начальника штаба 2-го воздушного флота с 1 октября 1939 г.

Глава 2

ТАНКИ ГУДЕРИАНА ТОПЧУТСЯ НА МЕСТЕ

Вечером 23 мая немецкие танки катились вперед к Аа,¹⁴ и вдали уже были видны шпили и башни Дюнкерка. Восточнее Аа имелись лишь три французских батальона и несколько британских подразделений. Путь на Дюнкерк оказался открыт. Как только Дюнкерк будет взят, большая западня захлопнется. Британские экспедиционные силы¹⁵ и много французских частей попали бы в окружение без надежды на спасение. Стороны уже обменивались первыми выстрелами на мосту в Гравлине.¹⁶ Захват Дюнкерка, последней гавани, откуда британцы еще могли надеяться эвакуироваться, казался вопросом лишь нескольких часов.

Но на следующий день, 24 мая, изумленные командиры танков получили по радио распоряжение остановиться

---

¹⁴ Аа – река на севере Франции, между Кале и Дюнкерком.

¹⁵ Британские экспедиционные силы под командованием лорда Горта были направлены осенью 1939 г. во Францию для оказания последней военной помощи в случае прямой атаки на нее со стороны Третьего рейха.

¹⁶ Гравлин – город на побережье пролива Па-де-Кале, в 18 км западнее Дюнкерка.

на линии Гравлин—Азбрук—Мервиль.¹⁷ Это распоряжение сопровождалось телефонным звонком из штаба Верховного командования в штаб армейской группы Рундштедта¹⁸ в Шарлевиле. Это был приказ Гитлера: танки Клейста¹⁹ не должны продвигаться за канал Сент-Омер.²⁰ Боевые командиры осаждали вопросами Гудериана.²¹ Последний бешено протестовал, но безрезультатно. Последовавшее подтверждение содержало точное распоряжение: никакие бронетанковые части не должны приближаться к Дюнкерку менее чем на дальность огня артиллерии среднего калибра. Исключения допускались только для разведки и ответных действий.

В течение трех решающих дней немецкие бронетанковые части стояли на месте, и эти три драгоценных дня позволили произойти чуду Дюнкерка, чуду, в возможность которого не верило само британское командование. Политическое руководство Германии отдало роковой приказ о бездействии и таким образом позволило единственной обученной армии,

---

¹⁷ Мервиль – городок в 10 км юго-восточнее Азбрука.

¹⁸ Имеется в виду группа армий «А» под командованием генерал-oberста Герда фон Рундштедта.

¹⁹ Имеется в виду XXII армейский корпус генерала Эвальда фон Клейста.

²⁰ Канал, соединяющий Кале и Сент-Омер на реке Аа, расположенный в 31 км юго-западнее Дюнкерка.

²¹ Генерал Хейнц Гудериан командовал XIX армейским корпусом. Именно его танки и танки XXXXI танкового корпуса генерал-лейтенанта Георга Ханса Рейнхардта, наступавшие с юга и юго-востока, к полудню 24 мая вышли на линию Гравлин—Сент-Омер-Бетюн. Тем временем танки XXII армейского корпуса генерала фон Клейста, двигавшиеся с востока, достигли бельгийского Кортрейка.

которой располагала Великобритания, спастись. Что же произошло?

20 мая были захвачены Амьен и Абвиль и немецкие танки вышли к Ла-Маншу, разрезав союзнические армии на две части. На севере оказались 30 французских механизированных дивизий, лучшее, чем обладала Франция. С ними были 12 дивизий британских регулярных войск и бельгийской армии. Южнее немецкого прорыва находились 66 французских дивизий, но они имели не такое качество, как отрезанные на севере, и две британские регулярные дивизии. Теперь контуры обширного двойного охвата быстро приняли свою форму; над миллионом солдат, которые были окружены на севере, нависла опасность.

21 мая танки Гудериана от Абвиля двинулись на север вдоль побережья. Продвижение этих двух бронетанковых дивизий должно было стать началом конца. В тот же самый день 2-я танковая дивизия взяла Булонь, а 1-я танковая дивизия блокировала Кале. Клещи собирались сомкнуться вокруг громадной массы союзных войск, отрезанных на севере, и казалось, что в историю современной войны должна была войти самая большая победа.

Но с самого начала немецкого наступления Гитлер чувствовал себя неуверенно и, тревожась, проводил в своей ставке в лесу Мюнстер-Эйфель обсуждения целесообразности продвижения бронетанковых частей к побережью и по-

следующего поворота в северном направлении. Гитлер страшился Фландрии.²² Во время Первой мировой войны он, будучи солдатом, побывал там и не доверял этой зыбкой местности. Он боялся, что его тяжелые танки увязнут в болотистой земле. Если это произойдет, то их не удастся использовать на второй стадии сражения во Франции. Он также опасался, что мощные союзнические силы, отрезанные на севере, предпримут прорыв на юг.

Поэтому 23 мая он лично вылетел в Шарлевиль, чтобы обсудить эти вопросы с Рундштедтом. Хотя Рундштедт и не был глупцом, он, подобно большинству старых генералов, не испытывал излишнего оптимизма в отношении бронетанковых войск и недооценивал их значение в современной войне. Гитлер уже испытывал сомнения и колебания, когда отправлялся в дорогу, и по прибытии обнаружил, что Рундштедта мучают опасения, подобные его собственным. Рундштедт с сомнением качал головой: число вышедших из строя танков вследствие износа достигло 50 процентов; особенно слабым местом оказались гусеничные траки. Что произошло бы, если бы противник внезапно начал прорыв на юг? Кроме того, Вейган²³ мог в любой момент атаковать в северном направ-

---

²² Фландрия – название исторической области в западной части Бельгии, у побережья Северного моря.

²³ Армейский генерал Максим Вейган 19 мая 1940 г. сменил генерала Гамелена на посту начальника штаба национальной обороны и главнокомандующего вооруженными силами Франции. В конце мая – начале июня он пытался создать так называемую линию Вейгана, чтобы не допустить немецкие войска в глубь

лении, прорвать немецкие боевые порядки и соединиться с союзническими силами на севере. И даже если бы ничего из этого не произошло, по его мнению, мощные бронетанковые силы следовало держать в резерве для второй стадии сражения во Франции южнее Соммы.

Все сказанное Рундштедтом нашло благодарного слушателя. Это было то, что он и сам думал. В тот день он говорил с Рундштедтом в течение долгого времени, в день, который, как уже было отмечено, стал решающим – но не в пользу Германии. Эти два человека продолжили обсуждение немецких побед, все более и более приходя в восторг. Гитлер, как сообщалось, ликующе хлопнул себя по бедрам.

– Через шесть недель кампания будет закончена, – объявил он, и это было вступление к одному из его знаменитых монологов, в ходе которых все должны были сохранять молчание и слушать. Из уст Гитлера Рундштедт и генералы Блюментритт и Зоденштерн²⁴ узнали, что из соображений высокой политики Британская империя ни в коем случае не должна быть разрушена.

– Британская империя и католическая церковь – два важнейших фактора мировой стабильности, – заявил Гитлер. – Все, чего я хочу, так это то, чтобы она признала права Германии на континенте... Моя цель – заключить с нею мир на

Франции.

²⁴ Гюнтер Блюментритт занимал должность начальника оперативного отдела штаба группы армий «А»; Георг фон Зоденштерн был начальником штаба группы армий «А».

почетных условиях.

Рундштедт слушал все это с растущим облегчением и, когда Гитлер ушел, обратился к своим генералам:

– Великолепно, господа! Великолепно! Если это действительно все, чего он хочет, то нам недолго ждать момента, когда снова наступит мир.

Вернувшись в свою ставку, Гитлер вызвал Геринга и рассказал ему о разговоре с Рундштедтом. Услышав об имевшихся опасениях и поняв, что Гитлер и Рундштедт наполовину склонились к тому, чтобы остановить наступление, Геринг почувствовал, что настало его время. По всей вероятности, именно его вмешательство позволило Гитлеру, наконец, принять окончательное решение.

– Мой фюрер, – объявил Геринг. – Позвольте моим люфтваффе покончить с окруженными. Они также отрежут окруженного врага от всей внешней помощи.

Без сомнения, Геринг полагал, что мог выполнить то, что пообещал, но в действительности он – с разрешения Гитлера – показал недостаточную мощь люфтваффе и их возможности в качестве оружия в современной войне, однако в то время ни один из них не предполагал этого, и Гитлер был явно впечатлен.

– Мой фюрер, – продолжал Геринг, настроенный агрессивно по отношению к представителям других родов войск. – Дайте моим люфтваффе шанс продемонстрировать, что они могут это сделать. Я не оставлю в Дюнкерке камня

на камне, ни люди, ни корабли не спасутся от вала бомбежек моих «Штук». Таким образом наши наземные войска будут избавлены от лишних потерь. Все, что от них затем потребуется, – это провести операцию по очистке захваченной территории от противника. – И чтобы сделать свое предложение еще более привлекательным, он хвастливо добавил: – Я могу взять не только Дюнкерк, но также и Кале, если это необходимо.

Гитлер позволил себя убедить. Это все так хорошо совпало с тем, что он сам чувствовал. После этой встречи танкистам Гудериана и был отправлен тот поразительный приказ.

На другой стороне Ла-Манша, в Вестминстерском аббатстве²⁵ и в других церквях по всей стране, молились за попавшие в тяжелое положение британские экспедиционные силы. Службу в аббатстве посетил сам Черчилль. Он лучше, чем любой другой человек, осознавал ужасную опасность, которая теперь угрожала стране. Если бы британские экспедиционные силы были уничтожены или попали в плен к врагу, судьба самого острова была бы неясной.

Всего за несколько дней до этого он посетил французский штаб в Винсенне, в котором Гамелена уже заменил Вейган.

---

²⁵ Вестминстерское аббатство – общепринятое в Англии название Соборной церкви Святого Петра в лондонском районе Вестминстер. Она является местом коронации всех английских монархов, большинство из которых также захоронены в ней. В Вестминстерском аббатстве находятся могилы многих известных людей: премьер-министров, политиков, художников, поэтов и т. д., а также Могила Неизвестного Солдата.

Последний был полон больших планов: отрезанные на севере армии должны были ударить в южном направлении одновременно с прорывом на север с юга. Таким образом союзнические силы снова соединились бы, но не только это: немецкие позиции были бы прорваны и немецкие бронетанковые части сами оказались бы отрезанными. Черчилль согласился. Планы были хороши, только осуществлять их оказалось уже слишком поздно – больше не было достаточных сил. Черчилль с тревогой мысленно взвешивал, какие у британских сил еще остаются шансы достигнуть побережья, откуда их или хотя бы часть из них будет можно эвакуировать.

В течение нескольких дней, которые прошли с тех пор, случилось многое: ситуация значительно ухудшилась. Французская 1-я армия и двенадцать британских дивизий под командованием Горта уже попали в западню. Единственной их надеждой на спасение было теперь добраться до побережья. Группа армий Рундштедта сжимала кольцо окружения со стороны Южной Бельгии и Северной Франции, в то время как с другой стороны то же самое делала группа армий фон Бока.²⁶ 21 мая и на следующий день англичане атаковали в районе Бапома в надежде прорваться на юг, но после тяжелых и кровопролитных боев были отброшены, и вечером 23 мая их западный фланг был смят. Получив эту информацию, Черчилль отдал приказ отходить к побережью для эва-

---

²⁶ Имеется в виду группа армий «В» под командованием генерал-oberста Федора фон Бока.

куации.

Черчилль слишком хорошо понимал войну в целом и не мог не расценивать ситуацию, которая могла сложиться в ближайшие дни, с самым серьезным беспокойством. Немцы атаковали бельгийцев около Менена, а англичан – около Рубе и Лилля. С юга они атаковали около Бетюна и Эра.²⁷ Черчиллю не требовалось смотреть на карту, чтобы понять, что происходило. Бельгийская армия сражалась хорошо, но была на грани истощения. Ее крах, который мог наступить в любой момент, означал бы крах союзнического левого фланга. Немецкие танки уже катились от Абвиля вдоль побережья на север. Единственным действительно открытым портом оставался Дюнкерк. Но как долго он мог быть все еще доступен?

Подобно любому другому крупному полководцу, Черчилль привык ставить себя на место противника. Его первоочередной целью было – должно было быть – отрезать британские экспедиционные силы от портов на Ла-Манше. Для этого он должен был быть готов бросить в дело последний танк, последнюю пушку и последнего солдата. Слишком велика была ставка. Британские экспедиционные силы были укомплектованы хорошо обученными сверхсрочнослужащими. Если немцы преуспели бы в их уничтожении, то Англия фактически осталась бы без обученных войск и без кадров, чтобы сформировать новую армию. Все, что немцы теперь должны были сделать, так это сокрушить на своем пути сла-

---

²⁷ Имеется в виду городок Эр-сюр-Ла-Лис, в 14 км юго-западнее Азбрука.

бые французские силы, и Дюнкерк также будет их. По всей обычной человеческой логике британской армии пришел конец.

Но и такой проницательный и способный человек, каким был Черчилль, мог делать ошибки. При эвакуации из Булони были потеряны всего 200 человек, но, когда 24 мая бригадир²⁸ Николсон также отдал приказ и об эвакуации из Кале, Черчилль выразил гневный протест Имперскому генеральному штабу, заявив, что предельно важно удерживать Кале и дальше. Он добился своего, и приказ об эвакуации был отменен. Британские части под командованием Николсона сражались смело, и особенно жестокие бои шли вокруг крепости, но все это было бесполезно. Кале удержать не удалось, бригадир Николсон и его выжившие люди попали в плен.

Черчилль упорно утверждал, что был прав: оборона Кале имела крайнюю важность; множество событий могли помешать эвакуации из Дюнкерка; три драгоценных дня, выигранные при обороне Кале,²⁹ позволили удержать позиции около Гравлина. Без этого все было бы потеряно, несмотря на то, сомневался бы Гитлер или нет.

Но Черчилль ошибался, и неопровержимые факты это подтверждают. Из семи немецких бронетанковых дивизий, имевшихся в том районе, только одна использовалась про-

---

²⁸ Бригадир – звание в британской армии, занимающее промежуточное положение между званиями полковника и генерал-майора.

²⁹ Он был взят немцами 27 мая 1940 г.

тив Кале, и то лишь потому, что из-за приказа Гитлера остановиться ей больше нечем было заняться. Кале можно было проигнорировать совершенно безопасно. Тот факт, что там было зажато некоторое число британских войск, никак не мог затруднить немецкое наступление на Дюнкерк.

23 мая Горт, который командовал британскими частями, отрезанными к северу от прорыва, справедливо решил отходить к побережью, в равной степени справедливо полагая, что превосходные планы Вейгана больше неосуществимы. Он сразу начал отводить свои войска от Лиса.³⁰ К полудню следующего дня немецкие бронетанковые части наконец получили разрешение двигаться к внешним границам Дюнкерка, но было уже поздно. Драгоценная отсрочка, предоставленная ими союзническим силам, позволила последним так укрепить свои позиции, что немецкие танки теперь не смогли прорваться и предотвратить образование дюнкеркского плацдарма, который должен был спасти британские экспедиционные силы и большое число французских частей.

Позиции на линии Гравлин—Берг³¹ в основном удерживали французы, в то время как англичане стояли на линии Берг—Ньивпорт. Однако дальше на юг, около Лилля, под угрозой окружения находились четыре британские дивизии и вся

---

³⁰ Лис — река на территории Бельгии, между городами Менен и Гент. Ее также называют Лейе.

³¹ Берг — городок в 8 км юго-восточнее Дюнкерка.

французская 1-я армия. Горт отдал приказ о прорыве на север, и ночью британские механизированные части и подразделения французской 1-й армии успешно прорвались. Это был долгожданный успех, но Горт не испытывал никаких иллюзий. Даже если бы он со своими людьми смог достичь побережья, вряд ли удалось бы эвакуировать большинство из них. В то время он думал, что из четверти миллиона человек в лучшем случае удастся вывезти от 50 до 60 тысяч.

Командующий французской 1-й армией, генерал Бланшар, не желал участвовать в отступлении к побережью, так как был уверен в том, что не удастся погрузить людей на корабли, даже если они туда доберутся. Но Горт упорно настаивал на четком исполнении своих приказов и собирался сделать для их выполнения все возможное. Он должен был достичь побережья, откуда его люди будут эвакуированы.

Тем временем в Лондоне тоже не испытывали оптимизма. 28 мая капитулировала бельгийская армия. Англичане, насколько смогли спешно, заполнили пробел, но едва они это сделали, как стало ясно, что начала разваливаться и французская армия. В Лондоне оценивали немецкое превосходство в воздухе как четыре к одному, и в таких условиях было трудно рассчитывать на то, что флот или силы береговой обороны окажутся способны длительное время сдерживать вторгшиеся войска. И хотя перспективы были самыми мрачными, правительство во главе с Уинстоном Черчиллем приняло решение: Англия будет сражаться, что бы ни случилось.

Британские и французские войска через узкий коридор потоком устремились назад к Дюнкерку. Вероятно, это было самое блестящее и успешное отступление в истории, но отступающие силы ни в коей мере не были в безопасности. Ночь с 28 на 29 мая стала особенно тяжелой. Небо было затянуто облаками, но полыхали все окрестные деревни, и отблески делали облака розовыми. Немецкое давление увеличивалось ежечасно, и коридор, по которому войска спешили к побережью, становился все более узким. Теперь больше не было единства, дороги запрудили потоки гражданских беженцев, и их приходилось время от времени расчищать, чтобы дать возможность пройти войскам.

Здесь и там возникали пробки, которые угрожали задержать операцию в целом, но появлялись поспешно вызванные бульдозеры и безжалостно расчищали путь, сгребая автомашины, вышедшие из строя танки, пушки и гражданские автомобили в кучи обломков на обочинах дорог. Теперь остались доступны лишь три узкие, непригодные, разбомбленные и разрушенные дороги, которые было необходимо любой ценой сохранить открытыми для проезда, поскольку для сотен тысяч человек это был путь к спасению.

Шоссе от Кеммеля³² к Вёрне использовалось в основном британскими механизированными частями, с отдельными вкраплениями французских войск. Продвижение было медленным, с длительными задержками. Дорога от Ньюкер-

---

³² Кеммель – поселок в 8 км южнее Ипра.

ке³³ через затопленные районы Ост-Шапель³⁴ и Хондсхота³⁵ к Дюнкерку использовалась самыми разными подразделениями: пехотой, кавалерией и механизированными частями, при этом последние были вынуждены двигаться со скоростью улитки. Третья дорога от Байеля³⁶ до Ост-Шапель была забита кавалерией и артиллерией, продвигавшимися вперед, чтобы выйти на дорогу Ньюкерке—Дюнкерк. В некоторых местах немецкие танки были менее чем в паре километров.

Дороги интенсивно бомбили, и приходилось в тусклом свете переносных ламп вручную засыпать большие воронки. Многие тысячи гражданских беженцев очень мешали передвижению, и их снова и снова оттесняли с дорог, чтобы расчистить путь для войск. Это была жестокая работа, но ее нужно было делать, если требовалось сохранить дороги в целом свободными для движения. Массы испуганных и подавленных мужчин, женщин и детей жалко толпились на лугах по обеим сторонам дорог. И все вокруг было заполнено гвалтом взрывов, стрельбы, воплями и проклятиями, а вдали постоянно грохотала артиллерия.

Как только светало, появлялись немецкие самолеты, чтобы добавить еще больше беспорядка. Хотя, к счастью, их

---

³³ Ньюкерке – поселок в 12 км южнее Ипра.

³⁴ Имеется в виду местечко Шапель-ла-Гранде, в 8 км южнее Дюнкерка, на берегу канала От-Кольм.

³⁵ Хондсхот – городок в 16 км юго-восточнее Дюнкерка.

³⁶ Байель – городок в 41 км юго-восточнее Дюнкерка.

было и немного, они причиняли значительные потери и создавали дополнительные, почти непреодолимые трудности. Немецкое давление по обе стороны коридора постоянно нарастало, и люди, двигавшиеся по дорогам, знали это. Измученные и практически обессиленные, они облегченно вздыхали, когда, наконец, оказывались на плацдарме.

Для фильтрации прибывавших частей были выделены мощные британские силы, которые имели жесткий приказ: не пропускать никакие транспортные средства – никаких автомобилей, никакой артиллерии, никаких фургонов и даже санитарных машин. Водители ругались, офицеры протестовали, но, заканчивая все споры, постовые просто стреляли по шинам и радиаторам. После этого споры были излишни; люди выбирались из своего бесполезного транспорта и дальше шли пешком. Бросить всю материальную часть, освободить дорогу для людей – таков был приказ по войскам. Снаряжение и технику можно было заменить, людей же – нет. Лишь танкам, немногим полевым пушкам и пулеметам, необходимым для обороны плацдарма, разрешалось пересекать заградительные посты.

30 мая Горт послал в Лондон сообщение о том, что все его части находятся на плацдарме. Учитывая французские войска, теперь гарнизон плацдарма насчитывал 400 тысяч человек.

Плацдарм был длиной около 30 километров и нигде не

имел глубину более 10 километров, а это подразумевало, что каждый его квадратный дециметр был в пределах досягаемости немецкой артиллерии даже среднего калибра. Большинство британских частей находились в восточной части плацдарма, хотя несколько из них были вместе с французами в западной половине. Отступление на плацдарм заняло три дня, и теперь было необходимо спешно перегруппировать беспорядочную людскую массу. Британские и французские части собирали отдельно, и когда это, наконец, было сделано, предпринимались попытки восстановить отдельные подразделения. После этого они направлялись вперед на берег. В дюнах на протяжении менее 3 километров на восток собирались французы. Британский сборный пункт находился около Ла-Панне. Между ними бродили группы отставших, которые потеряли свои части. Одной из самых больших трудностей стало обеспечение людей питанием. Полевые кухни и все обычные атрибуты хорошо организованной армии были брошены позади, но так или иначе это удалось сделать.

Рацион был сокращен до минимума, и теперь не было никакого обеспечения питьевой водой, потому что при взрыве моста английские саперы по неосторожности также взорвали и водопровод. Немногие источники солоноватой воды днем и ночью осаждались измученными жаждой людьми. Солдаты обыскивали в Дюнкерке оставленные дома в поисках еды, в местных пекарнях пекся хлеб. Продовольствием также обеспечивали один или два маленьких грузовых судна, стоявших

в порту, некоторое количество мяса было получено путем забивания кавалерийских лошадей и рогатого скота, который мог быть найден. На железнодорожных путях горели составы с продовольствием, но там также были составы с боеприпасами, и грузовики один за другим взрывались, вытаскивая вагоны с продовольствием из огня.

Первое серьезное обсуждение проблем эвакуации, «на всякий случай», состоялось 20 мая, и адмирал Рамсей, главнокомандующий в Дувре, был назначен ответственным за операцию «Динамо». Из-за присутствия большого числа немецких бомбардировщиков и подводных лодок было слишком опасно использовать большие корабли. Малые суда лучше подходили для этой цели, потому что представляли гораздо более трудную цель для бомбардировщиков и подводных лодок.

Повсюду на побережье и внутренних водных путях Англии офицеры военно-морского флота проявляли интерес ко всему, что было крупнее лодки: моторным катерам, яхтам, спасательным шлюпкам больших кораблей, буксирам, рыболовецким траулерам, даже к колесным пароходам – ко всему, что, несмотря на свои скромные размеры, могло плавать по морю. В итоге их загадочной деятельности в портах Ла-Манша вскоре был собран большой флот из маленьких судов, ожидавший приказа.

А затем страна услышала новости. Это было потрясение.

Но полная правда была еще хуже. 28 мая Горт обоснованно полагал, что наступает крах восточного фланга плацдарма в Ньивпорте. Это означало бы конец эвакуации, а пока удалось вывезти приблизительно 25 тысяч человек.³⁷ Но затем произошло нечто поразительное.

Каждый, кто имел мореходную лодку любого вида на южном и восточном побережье и дальше на внутренних водных путях, теперь был готов внести свой вклад в спасение Дюнкерка. Множество моторных катеров, прогулочных судов, яхт – старые корыта всех сортов, некоторые из них были очень далеки от того, чтобы стать пригодными для морского плавания, – пересекли Ла-Манш, чтобы помочь людям в Дюнкерке. Более четырехсот из этих лодок вышли по инициативе их владельцев, чтобы принять участие в работе по вывозу людей с пляжей, окутанных серовато-коричневыми облаками дыма, которые поднимались над горящими нефтяными емкостями и разрушенными зданиями. Англия была многим обязана этим добровольным морякам еще прежде, чем вся работа была выполнена.

Теперь в общей сложности 693 судна (включая 45 военных транспортов) и приблизительно 200 судов союзников курсировали взад и вперед через опасный отрезок серого моря, обеспечивая возвращение британской армии, в то время

---

³⁷ Британское командование фактически начало эвакуацию своих войск уже 20 мая, не известив при этом союзников. К 26 мая, когда было принято решение о полномасштабной эвакуации войск, окруженных в Дюнкерке, англичане уже вывезли 59,5 тысячи своих солдат и офицеров.

как адмиралтейство послало 39 эсминцев, чтобы защитить этот новый карликовый флот.

Тем временем немецкая артиллерия и немецкие бомбы превратили крайне важный район гавани и доков в море пламени и дыма. Нефтяные цистерны изрыгали над городом и окружающей сельской местностью длинные масляные клубы абсолютно черного дыма, а над дымом, достигавшим высоты 4600 метров, висела серовато-коричневая дымка.

Внизу сотни тысяч людей стоически ждали своей очереди, чтобы подняться на борт судна. У них не было никаких палаток и никакого любого другого убежища, чтобы скоротать холодные ночи. Время от времени шел дождь, и промокшие и дрожащие люди жались друг к другу, чтобы согреться, и задавались вопросом, смогут ли они спастись в конце концов. С 30 мая немецкая артиллерия стала более опасной, чем «Штуки». Люди зарывались в песок, но укрытия легко обрушивались. И не было никаких деревьев, чтобы развести костры, около которых люди могли бы просушить одежду и согреться.

Сам Дюнкерк тонул в море огня, и людям приходилось двигаться к причалам сквозь дым и жар по улицам, усыпанным обломками зданий, которые продолжали разрушаться с обеих сторон. Улицы были завалены брошенными, развороченными и перевернутыми автомобилями всех типов. Разлагающиеся трупы мертвых лошадей с раздутыми животами

и торчащими в небо ногами испускали зловоние. Вокруг постоянно взрывались снаряды и бомбы. Неудивительно, что совершавшие марш колонны иногда распадались, поскольку люди теряли самообладание и дикой толпой мчались к причалам, откуда слышались продолжительные вопли сирен, заставлявшие их спешить. Каменные причалы были теперь в значительной степени разрушены и испещрены следами от разрывов бомб и снарядов, и повсюду высились кучи щебня. Английские саперы работали непрерывно, чтобы подготовить импровизированные причалы для погрузки людей на суда, используя разбитые грузовики, бревна, доски, балки, булыжники и все, что имелось под рукой.

Самолеты Геринга непрерывно сбрасывали бомбы на город, но его защитники продолжали держаться, и впервые стали ясно видны границы возможностей люфтваффе. Обещания Геринга исполнялись лишь частично. Его самолеты могли не оставить камня на камне, но не могли взять город, и «Штуки», следовавшие волна за волной, были не в состоянии отрезать британские силы от помощи, прибывавшей к ним со стороны моря. Суда все еще входили в гавань и покидали ее с десятками тысяч людей, которые снова могли сражаться на следующий день.

Воздушным корпусам генералов Грауэрта и Келлера³⁸ и «Штукам» Рихтхофена поручили сомкнуть клещи вокруг

---

³⁸ Генерал авиации Ульрих Грауэрт командовал I авиакорпусом, а генерал авиации Альфред Келлер возглавлял IV авиакорпус.

окруженных армий, но бомбежкой емкостей нефтеперегонного завода в Дюнкерке они подняли обширные облака дыма, которые распространились на весь район и скрывали их цели. Сам город лежал в руинах, портовые сооружения разрушены, суда получали попадания и повреждения, и некоторые из них тонули, но обороняющиеся все еще сражались. Они отходили, но лишь шаг за шагом, и существовали очаги сопротивления, где они сражались до последнего человека, прикрывая эвакуацию.

Отчаянное сражение также шло и в едком дыму, и в темной дымке над городом. Впервые люфтваффе и Королевские ВВС Великобритании могли помериться силами. Немецкие бомбардировщики все еще могли летать и сбрасывать свои бомбы в ад, разверзшийся внизу, но их истребительное прикрытие все более и более яростно атаковали «Харрикейны» и «Спитфайры», и многие бомбардировщики отправились вниз вслед за своими бомбами. Теперь Англия день за днем бросала в бой свои заботливо подготовленные истребительные подразделения, невзирая на потери – слишком многое было поставлено на карту внизу, чтобы осторожничать наверху. Ее летчики-истребители сражались в небе над Дюнкерком до тех пор, пока не кончались боеприпасы и не подходило к концу горючее, затем летели обратно на свои базы в Южной Англии, чтобы дозаправиться и пополнить боекомплект, выполняя по три или четыре вылета днем, пока было светло.

Итак, для люфтваффе легкие дни Польской кампании прошли. Если тогда, имея численное превосходство машин, они быстро стали главенствовать в воздухе, то теперь должны были сражаться за каждый метр с сильным противником, обладавшим хорошими машинами, с летчиками, которые могли сбить лучших из них и которые сражались, пока не будет сделан последний выстрел и не опустеют баки. Самолет за самолетом пикировали вниз, потеряв управление и оставляя позади спирали дыма, чтобы врезаться в руины Дюнкерка или в берег. Вскоре стало ясно, что, несмотря ни на что, люфтваффе не могут сбросить этих людей с небес. Снова и снова их самолеты появлялись из дыма и тумана, чтобы атаковать. Они сражались непреклонно и отчаянно, и потери люфтваффе все время росли, хотя их бомбардировщики все еще достигали целей.

И каких целей! От Ла-Панне до причалов Дюнкерка тянулась темная масса беспомощных людей, которые могли лишь ждать и надеяться, пылающие улицы города, ведущие к морю, кишели теми, кто направлялся к судам, но эвакуация непрерывно продолжалась, несмотря на дождь бомб и постоянное завывание пикирующих «Штук». На берегу люди проклинали зыбучий песок, когда пытались вырыть в нем укрытия, но теперь он стал их спасением. Он гасил взрывы бомб. Бомбы зарывались в него, и сила взрывов в значительной степени расходовалась зря. Будь берега Дюнкерка твердыми и каменистыми, потери среди ожидавших людей оказались

бы очень большими.

В дополнение к взрывавшимся бомбам там рвались и снаряды, которые непрерывно со свистом летели по воздуху к судам, стоявшим у берега в ожидании своей очереди. Многие из них получали попадания, скрывались под вспышками огня и дыма и кренились, чтобы медленно исчезнуть с поверхности. Всего в этом аду были убиты и ранены около 4 тысяч человек, удивительно малое число, учитывая концентрацию атак, ограниченность района и массу бомб.

Немцы отчаянно атаковали защищавшихся англичан, поскольку также понимали, как высоки ставки, и топили судно за судном или оставляли после себя выбросившиеся на берег и горящие остовы. Но место выбывших всегда занимали новые суда, которые направлялись в разрушенный порт или вставали на якорь у импровизированных молов. И, несмотря на все усилия люфтваффе и артиллерии, они оставались там, пока не были полностью заполнены людьми. Тогда они разворачивались и плыли обратно в Англию, все еще преследуемые снарядами и бомбами. Лишь в один-единственный день эвакуации утонули 32 судна и 11 получили тяжелые повреждения, но эвакуация продолжалась.

Обещание Геринга не могло быть выполнено. Его люфтваффе могли затруднить эвакуацию, но они не могли остановить ее, и в течение дня море между Дюнкерком и английскими портами на Ла-Манше, Дувром, Рамсгитом³⁹ и

---

³⁹ Рамсгит – порт в 4 км южнее Маргита.

другими было усыпано небольшими судами, перевозившими драгоценный человеческий груз и сидящими значительно ниже грузовой ватерлинии. Люди на их борту были теперь безоружны, большинство из них, спасаясь из ада Дюнкерка, оставили даже свои винтовки, но они еще не были в безопасности. Снова и снова в небе появлялись и стремительно росли несколько точек. Немецкие бомбардировщики! Но когда они начинали атаковать, становилось ясно, насколько мудро поступило британское адмиралтейство, настояв на использовании малых катеров. В них было очень трудно попасть, и большинство бомб падали в море, не причиняя вреда. И если судно было так сильно повреждено, что начинало тонуть, рядом находились другие суда, чтобы подобрать оставшихся в живых. Многие из поврежденных судов по-прежнему держали свой курс, ковыляя домой с поврежденным корпусом и креном на левый или правый борт, все еще пригодные для перехода по морю и все еще неся спасенные части к безопасной земле.

Еще раз пессимизм экспертов был опровергнут непреклонной решимостью простых людей. Не 40 или даже 50 тысяч человек были сняты с берега и благополучно перевезены домой, а сотни тысяч. Из 861 судна затонули 243, включая 8 специальных военных транспортов (они представляли собой наилучшие цели), 17 рыболовецких судов и 6 эсминцев.

Для людей, все еще ожидавших погрузки, дни казались бесконечными. Сотни бомбардировщиков ревели над их го-

ловой или пикировали на них, пока небо было полно звуков пушечной и пулеметной стрельбы. Но даже максимально увеличенные силы люфтваффе не могли защитить свои бомбардировщики от нападений. Как только они появлялись над Дюнкерком, на них пикировали британские истребители, разбивая их боевые порядки и отправляя многие из них на землю. Успех эвакуации был в значительной степени обязан этим молодым пилотам. Их неустанные атаки мешали люфтваффе. Сбивая бомбардировщик за бомбардировщиком и истребитель за истребителем, они вселяли мужество в отчаянно сражавшиеся арьергарды и сделали для успеха операции «Динамо» намного больше, чем планировало британское командование, но дорогой ценой.

31 мая Горт сдал командование Александеру и вылетел обратно в Англию. Отход британских войск к побережью и посадка на суда продолжались, несмотря на все усилия люфтваффе, и вечером 2 июня последние 4 тысячи человек были взяты на борт и благополучно пересекли море.

Когда англичане ушли, французы остались сражаться. В дополнение к британским экспедиционным силам на плацдарме находились французские части численностью около 150 тысяч человек. После совместного обсуждения между британским адмиралтейством и командирами французских дивизий было решено, что сопротивление должно быть прекращено в сумерках 3 июня после того, как будет эвакуировано максимально возможное число французов.

Подразделения, все еще удерживавшие предместья Дюн-керка, получили распоряжения выйти из боя и отходить к порту, чтобы сесть на суда, которые будут ожидать их. 14 транспортов, каждый вместимостью по 3 тысячи человек, и 60 рыболовецких судов, каждое из которых могло взять на борт около 40 человек, были выделены для этой финальной операции. Как только стемнеет, люди должны были пешком отправиться в гавань. Никакой шум двигателей не должен был позволить обнаружить их отход.

Немецкая артиллерия все еще грохотала, когда безмолвные колонны начали свой путь назад. Их встречали офицеры связи и проводили через горящий город в гавань. Облака едкого дыма еще поднимались над нефтяными хранилищами в Сен-Поле, покрывая все вокруг слоем масляной сажи. Время от времени ветер разгонял дым, и тогда можно было увидеть берег, покрытый обломками, трупами людей и животных, скелетами сгоревших самолетов, выведенными из строя танками и брошенными пушками. Прибывало все больше и больше частей, переполняя дороги к гавани и побережью, стремясь к спасительному морю.

В 22.30 начали неясно вырисовываться мачты и трубы первых спасательных судов, осторожно выходивших в Ла-Манш. «Вся операция должна закончиться к 3.00» – таков был приказ. Это означало, что есть менее пяти часов, чтобы вывезти от 40 до 50 тысяч человек. Бесконечные людские ко-

лонны продвигались вперед через разрушенные улицы Дюнкерка. Время от времени вспышки пламени освещали измученные лица, а затем колонны снова скрывались в темноте. Тысячи людей скапливались в районе гавани и на открытом берегу, их глаза беспокойно всматривались в небо, а уши напряженно ловили угрожающий гул самолетов. В течение дня бомбы падали непрерывно, но этой ночью ожидавшим людям повезло. Небо было пасмурным, и воздух оставался спокойным и тихим. В мерцающем пламени, поднимавшемся здесь и там, люди могли различить очертания судов, пришедших, чтобы забрать их. Постепенно колонны продвигались. Позволялось пройти только организованным подразделениям. Мощные силы военной полиции оттесняли назад толпы людей, потерявших свои части.

Посадка шла стремительно. Судно за судном быстро подходило к берегу, забирали свой человеческий груз и снова отходили. Но драгоценные часы также шли стремительно, и небо на востоке начало светлеть, сначала едва заметно, но затем все более явственно. Последнее судно ушло в четыре утра, но позади все еще оставались тысячи французских солдат. В семь часов немецкая артиллерия снова открыла огонь, в восемь командиры остатков четырех французских дивизий решили сдать Дюнкерк и подписать формальную капитуляцию в ратуше. Первые немецкие патрули уже появлялись около берега. Любое дальнейшее сопротивление могло означать только бойню.

В девять часов над разрушенной ратушей был поднят немецкий флаг, и генерал фон Кранц принял капитуляцию оставшихся французских войск, отметив храбрость и упорство, с которыми они до конца прикрывали эвакуацию. 35 тысяч французов, включая 4 тысячи раненых, попали в плен, но 250 тысяч человек британских экспедиционных сил вместе со 110 тысячами французов⁴⁰ были спасены. Британские части сформировали ядро новой армии, а французы позднее использовались на других фронтах. Эвакуация стала впечатляющим успехом, и Геринг потерпел первое большое поражение в воздухе.

Вздых облегчения прокатился по Англии, когда стало ясно, что британские экспедиционные силы спасены, хотя люди и вернулись без оружия. Ни одна пушка, ни один танк не пересекли обратно Ла-Манш. 90 тысяч винтовок, 8 тысяч автоматов и 12 тысяч автомобилей всех типов были оставлены позади. Для формирования новой британской армии ничего не имелось; ее нужно вооружать с нуля.

По стране прошла волна ликования, но ситуация была очень мрачной. Для обороны страны имелось всего 200 тысяч обученных и вооруженных людей. И поддерживать их должны были, возможно, сотня тяжелых танков и вдвое большее число полевых орудий. Неудивительно, что такими

---

⁴⁰ Всего с 26 мая по 4 июня 1940 г. из района Дюнкерка были эвакуированы в общей сложности 139 тысяч французов и бельгийцев.

озабоченными были лица чиновников на Уайтхолле!⁴¹

Предположим, что Гитлер, уничтожив или захватив в плен на севере лучшие французские войска, решил, что он может позволить себе отложить на некоторое время завоевание оставшейся части Франции. Предположим, что, вместо прикрытия своих войск на Сомме и Эне, он бросит все свои самолеты и парашютно-десантные части против Англии, высадит десант с моря и сбросит парашютистов на все важные аэродромы. Что же тогда его остановит?

В те тревожные дни глаза британских военачальников и государственных деятелей часто обращались к небесам. Немцы могли высадить с воздуха легкие танки, противотанковые пушки и несколько тысяч людей, обойдя оборону на юге и стремительно двигаясь на Лондон. Если бы это произошло, то вся система обороны пришла бы в замешательство, и их нападение имело бы большие шансы на успех. Никто не понимал этого лучше, чем Черчилль. Был единственный вопрос: осознают ли немцы представившийся им шанс и воспользуются ли они существующей слабостью англичан?

Гитлер и его генералы были ослеплены и восхищены своим неожиданно быстрым и полным успехом на Западе, но они испытывали колебания и сомнения в отношении будущего. Они еще не поняли стратегического – даже исторического – значения приказа об остановке, который спас Дюн-

---

⁴¹ Уайтхолл – название улицы в центре Лондона, на которой расположены правительственные учреждения, в том числе министерство обороны.

керк и дал англичанам шанс эвакуировать своих людей и который те блестяще использовали. Но один человек понимал, что все было поставлено на карту в течение нескольких дней после эвакуации, и это был Кессельринг, бывший начальник Генерального штаба люфтваффе, а ныне командующий 2-м воздушным флотом на Западе.⁴²

После Дюнкерка Кессельринг убеждал Геринга организовать немедленное вторжение в Англию, но Геринг отказался, и те критические дни, когда Англия была практически беззащитна и не имела организованных и оснащенных сил, не были использованы.

---

⁴² Кессельринг Альфред – начальник Генерального штаба люфтваффе с 3 июня 1936 г. по 31 мая 1937 г., а на должность командующего 2-м воздушным флотом был назначен 12 января 1940 г. вместо снятого генерала Фельми.

Глава 3

СОВРЕМЕННАЯ КРЕПОСТЬ, ВЗЯТАЯ С ВОЗДУХА

В отличие от большинства командующих в люфтваффе генерал Штудент из парашютно-десантных войск действительно возглавлял свои 4500 человек в ходе боевых действий. Он лично руководил операциями по захвату мостов в Роттердаме, Дордрехте и Мурдейке⁴³ и удерживал их, сражаясь против превосходящих сил, пока не подошли основные немецкие силы. Его общие потери в ходе этих операций были 180 человек, но при этом сам Штудент получил тяжелое ранение в голову.

Результатом второй и еще более фантастической операции с воздуха стал захват – практически в мгновение ока – одной из наиболее современных крепостей в мире, бельгийского форта Эбен-Эмаель.

Эта операция, которая имела место 10 мая 1940 года, бесспорно была одной из самых смелых и успешных в ходе всей войны. Форт Эбен-Эмаель находится приблизительно в 16 километрах к северу от Льежа,⁴⁴ где он прегражда-

---

⁴³ Мурдейк – поселок в 11 км южнее Дордрехта.

⁴⁴ Точнее, форт Эбен-Эмаель находится около одноименного поселка, расположенного в 18 км северо-восточнее Льежа, около места впадения реки Жер в

ет путь к Брюсселю. Эксперты расценивали его как неприступный. Они в очередной раз оказались не правы, хотя он, безусловно, был спроектирован с большой тщательностью. Северо-восточный фланг форта был защищен Альберт-каналом,⁴⁵ чьи стены обрывались к воде с высоты 40 метров. К северо-востоку находились затапливаемый район и другой канал с крутыми берегами. В других направлениях были вырыты глубокие рвы и возведены бетонные стены высотой более 6 метров. И по всему району были расположены стрелковые и артиллерийские позиции с перекрещивавшимися секторами обстрела, колючая проволока, танковые ловушки и мощные заграждения, гарнизон форта составляли 1200 хорошо обученных военнослужащих.

В окрестностях было три важных моста через Альберт-канал, каждый со встроенными зарядами, позволявшими моментально взорвать их при получении сигнала. Наиболее ценным из них был мост в Фроенхофене,⁴⁶ потому что по нему через канал проходило шоссе из Ахена в Брюссель. Немецкие военачальники понимали, что если они хотят стремительно выйти к побережью Ла-Манша, то эти мосты

Альберт-канал.

⁴⁵ Канал, соединяющий реку Маас в районе Льежа с устьем реки Шельды около Антверпена. Он был назван в честь короля Альберта I, правившего Бельгией в 1909–1933 гг., и фактически представлял собой огромный противотанковый ров, входивший в систему оборонительных сооружений, защищавших центральную и южную части страны.

⁴⁶ Фроенхофен – поселок в 9 км юго-восточнее Билзена.

должны быть захвачены целыми и форт Эбен-Эмаель без промедления выведен из строя. На первый взгляд задача казалась невыполнимой, так как обычная тактика окружения и захвата сильно укрепленных позиций, конечно, была слишком медленной. Задолго до того, как мощные немецкие наземные части смогут добраться до мостов, бельгийцы взорвут их. Было очевидно, что необходимо использовать новую тактику, и тогда появился новый ход, не имевший precedентов в военной истории. Чтобы захватить мосты в целости, атакующие должны были действовать стремительно и бесшумно и уничтожить или захватить в плен бельгийскую охрану прежде, чем она сможет взорвать мосты. Это подразумевало, что вся операция должна занять не более десяти минут.

Штурмовые подразделения, специально подготовленные для этой атаки, должны были достигнуть места назначения на планерах, буксируемых на высоте около 2400 метров «Юнкерсами-52», и затем над немецкой территорией поблизости от голландской границы отцепиться. Скользя поодиночке на скорости около 130 километров в час, они бесшумно пересекли бы выступ голландской территории около Маастрихта и достигли бы своей цели прежде, чем враг узнал об их появлении.

«Штурмовое подразделение Кох», названное так по фамилии командира, было с соблюдением глубокой секретности сформировано из личного состава 7-й авиадивизии Шту-

дента. Оно включало в себя роту под командованием гауптмана Коха, группу саперов-парашютистов во главе с лейтенантом Витцигом и роту планеров лейтенанта Кисса.⁴⁷ Последний отвечал за успешное осуществление действий, которые никогда прежде не выполнялись, – массовый взлет планеров в темноте, что было по-настоящему трудным делом. Витциг с 85 своими людьми должен был взять форт Эбен-Эмаель, Кох же и его люди – захватить неповрежденными все три моста.

3 ноября 1939 года на аэродроме Хильдесхайм началась таинственная деятельность. Военнослужащие, отобранные для этой операции, были полностью изолированы от внешнего мира, даже лишены увольнительных. Они тренировались в течение шести месяцев, пока при помощи тщательно построенных макетов бельгийских оборонительных сооружений тщательным образом, на словах и на деле, не изучили свою цель. В то же время пилоты планеров практиковались в своем деле, доводя до совершенства дневные и ночные взлеты. Саперы лейтенанта Витцига также были заняты тренировками по применению нового оружия, в частности новых подрывных устройств, специально разработанных для этой операции и способных пробивать броню толщиной 25 сантиметров. Все люди тренировались на специально построенных макетах, отрабатывая каждое действие до автоматизма.

---

⁴⁷ Всего в составе подразделения Коха насчитывалось 11 офицеров и 427 унтер-офицеров и рядовых.

Когда в Хильдесхайме все было готово, планеры разобрали, погрузили на грузовики и перевезли в Кёльн, где на местных аэродромах снова собрали, причем в такой тайне, что даже коменданты аэродромов не знали о том, что происходило у них под носом. В течение шести месяцев личный состав оперативного подразделения жил подобно монахам-отшельникам, но теперь близился конец их уединения. Наконец 9 мая пришел приказ быть в готовности. Тем же вечером все собрались на аэродромах Остхейм и Бутцвейлерхоф.⁴⁸

Ночью планеры были выстроены на бетонированных площадках около ангаров, и солдаты заняли свои места: восемь человек со снаряжением разместились на длинных скамьях вдоль каждого борта планера. Было предельно важно, чтобы атакующие группы достигли четырех своих целей одновременно, с тем расчетом, чтобы атаки на три моста и сам форт начались приблизительно за десять минут перед восходом солнца.

Было еще темно как смоль, когда пропеллеры Ju-52 начали вращаться. Взлет начался в 4.25 на каждом аэродроме. Пятнадцать минут спустя все самолеты и буксируемые ими планеры поднялись в воздух. Все навигационные огни между Кёльном и точкой около Ахена, в которой планеры предстояло отцепить, чтобы далее лететь самостоятельно, были зажжены, курс обозначен световыми сигналами и прожектора-

---

⁴⁸ Остхейм и Бутцвейлерхоф – аэродромы, располагавшиеся около Кёльна, первый – на правом берегу Рейна, а второй – на левом.

ми, так что никаких трудностей с навигацией не было. Спустя точно 31 минуту все самолеты и планеры находились на крейсерской высоте около 2400 метров. Около Ахена Ju-52 повернули обратно, отцепив планеры и оставив их бесшумно парить над Маастрихтским выступом к своим целям.

Но операция проходила не без заминок. Первая неприятность произошла с планером лейтенанта Витцига. У него отказал механизм буксировки, и планер приземлился на поле около Кёльна. Витциг был тем, кто должен был захватить форт Эбен-Эмаель. Он поспешно вызвал по телефону резервный Ju-52, который прибыл в его распоряжение лишь в 10 часов утра. До этого времени его люди действовали без него.

Вторая заминка была более опасной и могла повредить всей операции. Один из Ju-52 поздно отцепил свой планер, залетев слишком далеко на территорию Голландии. Звук его двигателей растревожил голландских зенитчиков около Маастрихта, и открытый ими огонь оказался достаточно сильным, чтобы быть услышанным в нескольких километрах.

Однако, когда рассвет еще только забрезжил на востоке, оставшиеся планеры благополучно и бесшумно приземлились на крыше Эбен-Эмаеля, на которой отсутствовали проволочные заграждения и которая не была заминирована. Их сразу встретил сильный огонь, и из людей, которые достигли своей цели на девяти планерах, тридцать были остановлены в северном углу, а это означало, что для решающих действий

на южной стороне оставалось лишь около пятидесяти человек.

Внутри форта безумно трезвонили сигналы тревоги, и артиллеристы уже были на своих местах, готовые открыть огонь, — но им не во что было стрелять, и никто точно не знал, что произошло. Хотя горстка людей, напавшая на форт, теперь осталась без командира, лейтенанта Витцига, она была так хорошо обучена, что каждый точно знал, что должен делать, и сразу же приступал к работе. Разрушительные действия выполнялись с быстротой молнии. Каждая из участвующих маленьких групп выполняла свою работу с предельной точностью — люди практиковались в этом уже много раз. Одни из них атаковали и заставили замолчать легкие пушки, другие помчались к вращающимся бронированным куполам тяжелых орудий. В пределах десяти минут произошло невероятное: девять оборонительных сооружений с гарнизоном были подавлены. За это короткое время при помощи новых подрывных зарядов были взорваны семь куполов. Вышли из строя девять 75-миллиметровых орудий в семи казематах. Когда броня одного из куполов оказалась слишком толстой, нападавшие бросили маленькие заряды в стволы, чтобы разорвать их взрывами. На северном краю форта заграждения из колючей проволоки были разрезаны, пулеметные амбразуры атакованы из огнеметов, их расчеты погибли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.